

Марина
СЕРОВА

Наследник
царских кровей

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Наследник царских кровей

«Научная книга»

2013

Серова М. С.

Наследник царских кровей / М. С. Серова — «Научная книга»,
2013 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-699-66728-4

В самолете профессиональный телохранитель Евгения Охотникова знакомится с четырнадцатилетним Никитой – наследником династии ювелиров Алмазовых. Он рассказывает ей, что на днях ему прислали телеграмму из дома с ужасающими новостями: его родители попали в аварию. Больше никакой информации Никита не получил и домой дозвониться не смог. А сразу по прилете в аэропорту неизвестный пытается убить мальчика, но Женя вовремя оказывается рядом. И с этого момента она твердо решает защитить Никиту и разобраться в этой странной истории... Книга также издавалась под названием "Дорогая дешевая жизнь"

ISBN 978-5-699-66728-4

© Серова М. С., 2013
© Научная книга, 2013

Марина Серова

Наследник царских кровей

Да, теплая нынче выдалась весна. Всего лишь конец апреля, а солнышко припекает совсем по-летнему, думала я, стаскивая легкую ветровку и запихивая ее в туго набитую дорожную сумку, стараясь особо не измять. Вдруг потом пригодится. Так, что у нас со временем? Вылет из аэропорта «Хитроу» в 15.25 по лондонскому времени. До родного города лету часа четыре плюс разница в часовых поясах – три. В Тарасове буду примерно в начало одиннадцатого, это если без неожиданностей обойдется. Вечерком, скорее всего, будет прохладно. Несмотря на уверения тетушки о том, что в Тарасов пришла аномально жаркая весна.

Вспомнив о тете Миле, я невольно улыбнулась. Всего десять дней погостила у давней подруги, а уже соскучилась, и это учитывая ежедневные звонки домой и смс. Моя улыбка стала шире – скайп тетушка так и не освоила, хорошо, что эсэмэски читать научилась. Я, конечно, уверяла ее, что давно уже взрослая девочка и способна съездить в отпуск одна, но тетя Мила, скорбно поджав губы, заявила, что прекрасно знает мою натуру и способность ввязываться в ужасные неприятности. И если я не хочу лишиться ее нескольких лет жизни и заставить страшно нервничать, то должна звонить хотя бы раз в день и присылать смс. На мое робкое заявление, что одно вполне может исключить другое, ведь международная связь довольно дорогая, тетушка уверила, что для полного спокойствия ей нужно слышать мой голос. И эсэмэски тоже пусть будут, просто на всякий случай. Ну да, надо же перед Марией Александровной чем-то похвастаться. А так реальное доказательство того, что племянница проводит отпуск в Англии, налично.

Я давно планировала и несколько раз откладывала эту поездку. Как правило, в самый последний момент находилась срочная и небезынтересная в финансовом плане работа, от которой было невозможно отказаться. Пока Ольга, моя давняя подруга, не заявила, что готова оплатить дорогу в оба конца ради удовольствия видеть меня в Саусхемтоне. Такого позорища моя нежная душа вынести не смогла, и, как только выдались свободные от работы дни, я собралась с визитом.

С Олей мы дружим довольно давно, еще со времен обучения в Ворошиловке. Да и как нам было не подружиться, если в нашей группе было всего три девчонки, а до выпуска дошли только мы с Ольгой. Маринка через полгода сошла с дистанции, не выдержав жесткой дисциплины и недетских нагрузок полувоенного учебного заведения. Я воспитывалась строгим отцом-генералом, который всегда хотел сына. В определенном смысле выбора у меня не было. Олю растила старенькая бабушка, родители погибли, когда подружке не исполнилось и двух лет. В Ворошиловку тетя Маша пристроила внучку благодаря неумемной энергии и кое-каким старым связям. Накануне выпуска подружка окончательно осиротела, так что учеба в этом заведении была для нее лучшей альтернативой детского дома.

Если воспитание закалило мой и без того жесткий характер, Оля умудрилась оставаться нежной романтической барышней. Несмотря на вполне приличные оценки при выпуске, боевик экстра-класса из нее не вышел. Но знания за плечами не носить, в частности, знания иностранных языков. Подруга уехала в Москву и устроилась работать переводчиком в российский филиал солидной лондонской фирмы. Где и познакомилась со своим будущим мужем Майком. Приятный образованный молодой человек сделал головокружительную карьеру и на момент знакомства руководил одним из европейских филиалов. Они довольно быстро поженились, и Оля уехала жить в Вену. А после рождения первенца Майку предложили стать директором фирмы в Англии. Они поселились в уютном двухэтажном коттедже в пригороде Лондона.

Городок Саусхемтон, конечно, не большой, но это лучшее место для жизни и воспитания детей, а их у Оли с Майком уже двое. После рождения малышки Аники прошло всего восемь

месяцев. И подруга, ведущая жизнь обычной европейской домохозяйки, отчаянно скучала. Так что мой визит оказался кстати. Зная, что за границей не принято, приезжая в гости, стеснять хозяев, я рассчитывала поселиться в недорогом отеле. Но подружка и ее гостеприимный муж слышать ничего не захотели. Дом у них и правда просторный. Кроме гостиной, столовой, детской, спальни хозяев и подсобных помещений, две гостевые комнаты, соединенные общим санузлом. Как объяснила мне Оля, одну гостевую спальню обычно занимает свекровь, когда навещает их, а другая, как правило, пустует.

Время прошло до обидного быстро. Целыми днями мы вспоминали детские годы, гуляли опрятными улицами уютного городка. Несколько раз, оставив детей с няней, выбирались в Лондон на экскурсии и выставки. Походы по магазинам Оля, к счастью, тоже не любит. Но в предпоследний день отпуска я выбирала сувениры для тетушки, и мы посвятили этому занятию почти весь день. А вечером друзья устроили в мою честь прощальный ужин, во время которого Оля преподнесла мне от них с Майком чудесный перстенок с турмалином для меня и симпатичный брючный костюм для тети Милы.

Признаться, я довольно равнодушна к украшениям. К примеру, новая разработка в области слежения или навороченный пистолет заинтересуют меня куда больше любой, даже эксклюзивной, побрякушки. Но подружка, хитро улыбаясь, заявила, что этот камень принесет мне счастье. Спелись с родственницей, не иначе. Ведь это любимая тема тетиных нотаций – обретение мною тихого женского счастья в виде мужа и кучи детишек. Да, не забыть внести в список «приличную работу». Тетя Мила, похоже, в глубине души считает, что работать телохранителем для молодой женщины «некомильфо».

Сейчас, сидя в вагоне электрички, следующей из Саусхемтона в Лондон, я поглядывала то на пейзаж за окном, то на дымчатые переливы загадочного камня. Думаю, он относится к хамелеонитам, слегка меняет цвет в зависимости от температуры – такой эффект свойственен александриту. Из нежно-сиреневого становится пурпурным, почти красным, когда жарко. А если подставить руку под струю кондиционера, по камню пробегают дымчато-синие блики. Теперь уже всем известно, что турмалин открыли в 1986 году. Конечно, сложные боросиликаты встречались и раньше, но их ошибочно принимали за другие камни. И все благодаря огромной цветовой палитре. Кажется, насчитывается около пятидесяти оттенков турмалина.

Мои мысли снова вернулись к подруге. За эти годы Ольга практически не изменилась – все такая же добрая, мягкая, нежная. Только теперь она уже мама двух очаровательных ребятшек и настоящая английская леди. Сначала планировалось, что Оля поедет провожать меня до аэропорта, но у Ани режутся зубки, она температурит и капризничает всю ночь и утро. Было бы жестоко заставлять подругу оставлять малышку на попечение няни. Тем более что я свободно владею несколькими языками, в том числе английским, а значит, не заблужусь и сама.

Дорога до аэропорта Хитроу заняла немного больше времени, чем я рассчитывала. Хоть я, разумеется, знала о знаменитых лондонских пробках и выехала с достаточным запасом времени, но чуть не опоздала на регистрацию. Впрочем, все обошлось благополучно. Погода, слава богу, тоже не подвела, так что вылет задержать не должны.

Один герой старого советского фильма говорил, что самое противное – это ждать и догонять. По поводу «догонять» я с ним, пожалуй, не соглашусь. Современные технические средства способны превратить погоню в увлекательнейшее шоу, как для участников, так и наблюдателей. А вот по поводу «ждать» – согласна на все сто, нет нуднее занятия.

После регистрации я лениво разглядывала пассажиров нашего рейса, пытаюсь просчитать, у кого билет в бизнес-класс, а у кого в эконом. При посадке я это, конечно же, увижу и смогу проверить правильность своих предположений. Вот эта немолодая супружеская пара, например. На даме дорогая дизайнерская обувь, сумка отличного качества и брючный костюм известной итальянской фирмы. Ее муж одет менее броско, но тоже довольно дорого. Конечно же, бизнес-класс. И вот еще стильная блондинка. За волосами, похоже, ухаживает дорогой

стилист: покраска, стрижка, укладка – все на высоком уровне. Хотя нет: сумка только на первый взгляд кажется дорогой. Девушка ее только что открывала, и я успела бросить мимолетный взгляд вовнутрь – подделка. Подкладка из дешевой ткани не очень хорошего качества. И туфли: дорогая обувь даже после длительной носки выглядит как новая, а у ее лодочек какой-то неухоженный вид. Скорее всего, экономкласс.

Тут мое внимание привлек мальчишка лет тринадцати. Рыжеватые вихры торчат в разные стороны, непокорная челка почти совсем закрывает по-кошачьи зеленые глаза. Одет, как и все тинейджеры: современные джинсы с декоративными «молниями», белая футболка с изображением какой-то неизвестной мне группы, сверху наброшена белая, в тонкую голубую полоску, рубашка, рукава закатаны до локтя. С собой один рюкзак, в багаж сдавать не стал, скорее всего, там ноутбук или плеер. Он как-то неприкаянно болтался среди пассажиров, и выражение лица напряженное, нервничает. Может, летать боится? Сначала мне казалось, что мальчик путешествует с кем-то из родни, потом, немного понаблюдав, поняла, что он один. Странно.

Мои размышления прервало объявление посадки.

– Командир экипажа Дмитрий Поляков приветствует вас на борту лайнера компании «Трансаэро». Расстояние от Лондона до Тарасова составляет три тысячи сто пятьдесят километров. Полет пройдет на высоте десять с половиной тысяч метров. Время полета составит четыре часа двенадцать минут. Командир и экипаж желают приятного времяпровождения на борту нашего лайнера.

Предположения, похоже, подтвердились: супружеская пара летит первым классом. Их места расположены неподалеку от моего кресла. Даже слышно, как женщина громким шепотом предостерегает мужа не пить больше одной порции виски за обедом. А вот блондинки не видно, как я и думала, впрочем. Парнишка тоже оказался в первом классе, он занял место по соседству со мной. Перед взлетом он нервно теребил рыжеватые вихры, хмуро поглядывая в окно. Похоже, все-таки боится летать.

Третий сосед, кресло которого было у самого иллюминатора, – мужчина средних лет, одетый в джинсы и серый свитер с ромбами белого цвета, проглотил пару каких-то таблеток, запил их водой из маленькой бутылки.

– Очень боюсь летать. – сообщил он. – Но бывает, командировок не избежать. Попробую уснуть, помогает, знаете ли...

Я кивнула. Чтобы мое внимание не показалось никому навязчивым, я достала из сумочки книгу и принялась за чтение. С. Астахов «Калибры «магнум» и М. Попенкер «Останавливающее действие пуль» – нельзя назвать легким дорожным чтивом, но в силу профессии я стараюсь быть в курсе подобных новинок. Никогда не знаешь, что тебе пригодится в тот или иной момент. Преступный мир не дремлет, совершенствуется и на всевозможные новинки не скупится. В Ворошиловке нас, конечно, обучали разнообразным приемам нейтрализации противника, как с помощью оружия, так и голыми руками. Итак: Страсбургские тесты, ОДП, формула нокаута Тейлора; в общем, ничего нового. Я разочарованно прикрыла книгу, стараясь не светить обложкой, а потом и вовсе убрала в сумочку. Буду бездельничать. В конце концов, у меня законный отпуск.

– Не читается? Книга скучная попалась? – неожиданно обратился ко мне сосед.

– Да, – мило улыбнулась я подростку, – решила отложить до лучших времен.

– Может, поболтаем? Отвлечься хочется. – Ответная улыбка мальчишки показалась мне какой-то вымученной. Так улыбается человек, у которого очень болят зубы, но вида он старается не подавать, чтобы не идти к дантисту. – Меня Никита зовут, а вас?

– Женя, и, если не против, можно на «ты». Боишься летать? Извини, заметила, что ты нервничаешь.

Никита слегка дернул плечом:

– Самолетов никогда не боялся и не понимал этой фобии. Согласно данным статистики, самый опасный вид транспорта – автомобиль, но машин люди боятся гораздо реже.

Мальчишка не только симпатичный, но и умненький, похоже. Я улыбнулась своим мыслям.

– Фобиям, им же не прикажешь. Нервничают люди, когда оторваны от земли, – скосила я глаза в сторону нашего спящего соседа. Значит, ошиблась. – Что в Англии делаешь?

– Учусь в бизнес-школе, – тряхнул непокорной челкой Никита.

– О, я слышала, что классическое английское образование очень ценится, лучше его только швейцарское. Будешь бизнесменом, значит?

– Ювелиром, – серьезно кивнул подросток. – У нашей семьи сеть ювелирных магазинов в Европе. «Блеск алмазофф» называется. Слышали?

– Как же, – я попыталась напрячь память, – слышала, и совсем недавно. Правда, походами по магазинам я не увлекаюсь, так что лично не была, врать не буду.

Никита с понимающим видом кивнул.

– Вспомнила, – я протянула мальчишке руку, демонстрируя новый перстень, – подруга подарила при прощании. На бирке было название бутика. Но она его сама покупала, решила сюрприз сделать.

– Турмалин в серебре?! Можно? – Никита аккуратно взял в руки мою ладонь, слегка поворачивая под разными углами, чтобы лучше рассмотреть перстень.

– Может, снять? – Я улыбнулась. – Ты действительно разбираешься в камнях. Обычно ювелиры более осторожны в своих оценках. Говорят что-то типа: «Нужна экспертиза» или: «Точно сказать не могу, нужно провести несколько тестов». И только после тестов скажут: «Предположительно, это турмалин». А ты прямо так, с ходу.

– Турмалин в серебре. – Никита отпустил мою руку. – Я так уверенно утверждаю, потому что узнал кольцо. Видишь, основа перстня выполнена в виде четырех бабочек, их усики служат крепежами для камня?

– Ну да.

– Это дизайн моего отца. И я не мог не узнать его.

– Твой отец ювелир? И сам изделия разрабатывает? Талантливо, ничего не скажешь.

– Спасибо. Это дело всей его жизни! – горячо воскликнул Никита. – Наша страсть, которая передается от отца к сыну. Мой прадед был ювелиром, и дед тоже. Я, без сомнения, продолжу семейную традицию. Наш ювелирный дом прославится на весь мир.

– Слава известных европейских дизайнеров не дает спать по ночам? – Я улыбнулась, отметив, что только в подростковом возрасте проявляется такая горячность, когда человек рассуждает о «деле всей своей жизни». И лишь единицы способны не растерять ее до старости.

– Скорее слава Карла Фаберже, – серьезно кивнул на мою шутку Никита.

– А ваша фамилия как звучит?

– Алмазов.

– О-о, – протянула я, – не уступает.

– Я не шучу. Густав Фаберже приехал в Питер пятнадцатилетним пацаном, обучаться ювелирному делу. В двадцать семь уже получил звание мастера ювелирного дела. Это было непросто, в то время Северная столица была наводнена ювелирами высокого класса. Он открыл несколько салонов. Производил ювелирные украшения, столовые принадлежности, часы, портсигары и множество различных аксессуаров. В своих изделиях использовал золото, серебро, драгоценные камни, уральские самоцветы, хрусталь. Если все это обогатить техническим мастерством, качеством исполнения и уникальным творческим видением – достигнешь многого.

– Рассуждаешь, как взрослый. Я слышала, что Густав основатель Дома Фаберже, но, по моему, он не достиг всемирной славы.

– Да, но имя Фаберже уже тогда было на слуху у знати, приближенной к императорскому двору. И это не малое достижение для нищего мальчишки, приехавшего в страну без копейки в кармане.

– Ты прав. Хорошо знаешь историю ювелирного искусства?

– У нас преподают. Но о Карле Фаберже я знаю все. Он мой кумир. Его называли: «Русский ювелирный гений». Образование Карл получал в Дрездене. А позже во Франкфурте, Флоренции и Париже отшлифовывал свое мастерство, вникая во все премудрости ювелирного искусства. По возвращении в Санкт-Петербург Карл возглавил фирму отца и уже через несколько лет получил золотую медаль на выставке: «Русское художественное и промышленное искусство». За копии древнегреческих сокровищ из керченских археологических находок.

– Мне казалось, что на Карла Фаберже работало много ювелиров.

– Это позже, когда Дом Фаберже получил настоящую всемирную славу. Карл просто физически не мог выполнять все заказы. Например, изготовление одного пасхального яйца занимало практически год. Каждое представляло собой неповторимый шедевр. Будучи поставщиком двора Его Императорского Величества, Карл почти все пасхальные яйца создавал как подарки, предназначенные для императора Александра Третьего и его супруги Марии Федоровны. И позже выполнял заказы последнего русского царя Николая Второго.

– Но сейчас в России нет монархии. И ювелиры редко изготавливают штучные вещи, так, скорее «для души». А производство... Да, к изготовлению качественных изделий нужно стремиться, но ты не сделаешь каждое из них шедевром.

– Ты говоришь совсем как мой отец. Вот когда я возглавлю производство...

– Производство?

– Да, у нас небольшой ювелирный завод в Покровске. Папа говорит, в маленьком городке аренда производственных площадей гораздо дешевле.

– Вы и живете там?

– Нет. Родителям больше Тарасов нравится. И это родной город мамы, так что родители еще до моего рождения решили там жить. А завод и бутики отец открыл в девяностых. До этого простым ювелиром трудился.

– Да, не зря Карл Фаберже твой кумир, вы практически в одинаковом положении на старте карьеры. Ну, а достигнешь ли ты таких же высот, зависит уже от твоего личного упорства.

– Я очень упорный, поверь. Все время, сколько себя помню, я провожу с отцом на производстве или с мамой. Она один из наших лучших дизайнеров. А теперь, когда я совсем взрослый, отец поручает мне самостоятельную разработку некоторых, пока не очень сложных моделей.

При словах «совсем взрослый» по моим губам пробежала легкая улыбка. Какой еще мальчишка! Никита мне определенно нравился, совсем не похож на представителя современной «золотой молодежи». У тех, как правило, одни развлечения на уме, а любимое хобби называется: «Изобрети сто двадцать первый способ потратить родительские деньги». Он многого достигнет.

– Ты молодец. А домой на каникулы едешь? Так вроде рано. Или в вашем учебном заведении свой график?

После моих слов Никита заметно помрачнел, сжал губы, прикусил, нахмурился:

– Меня экономка домой вызвала, прислала телеграмму.

– Что-то случилось?

– Родители, – почти простонал Никита, – они в аварию попали. Подробности я, к сожалению, не знаю, до дома так и не удалось дозвониться. Но тетя Маша пишет «серьезная», и я сразу вылетел. Первым же рейсом, на который билет взял. Директор школы, как только телеграмму увидел, отпустил без лишних разговоров, почти, – выдавил улыбку мальчишка. – А

вообще-то в нашей школе строгие правила: ученика должен сопровождать кто-то из родителей или их доверенных лиц. Но решение стольких формальностей занимает много времени, и я убедил администрацию, что способен добраться домой самостоятельно.

– Теперь понятно, почему ты так все время дергался и в аэропорту, и при взлете, я подумала, что ты летать боишься.

– Нет, за родителей переживаю.

– Прости, не удалось тебе отвлечься, разговор все равно вышел на болезненную тему, – утешая, я потрепала мальчишку по плечу.

– А знаешь, я вот с тобой поговорил, и стало вроде бы легче. Трудней всего пережить неизвестность. Ну почему она так мало написала? Деньги, что ли, сэкономила?

– Прочитывать можешь?

– Телеграмма у меня с собой. – Подросток достал из кармана и протянул мне бланк. «Никита срочно выезжай домой родители попали серьезную аварию находятся больнице» – смысл предельно ясен.

– Лаконично пишет ваша экономка, но у нее могли быть причины, ты не думал об этом?

– Какие еще причины? – набычился Никита.

– Причина первая: на тот момент, когда тетя Маша отправляла телеграмму, у нее самой был минимум информации. Причина вторая: она не хотела сильно тебя расстраивать, – упавшим голосом закончила я.

– Нет, я считаю, что цедить плохие новости по капле, жалея человека, все равно что купировать хвост собаке, отрезая по маленькому кусочку. Так только больнее. И Мария Федоровна осведомлена о моей позиции.

– Значит, она сама не знала подробностей.

– Да, но я за эту пару дней, пока к выезду готовился, все телефоны оборвал. Мамин и папин аппараты – понятно, они могут не работать. К домашнему телефону почему никто не подходит? – почти выкрикнул подросток.

– Тише, не кричи так, экономка могла в больницу уехать. В квартире еще кто-нибудь должен быть?

– Не знаю, у нас еще горничная и повар работают, только они могли уйти уже, я в основном вечером звонил.

– Ну, вот видишь. В любом случае ждать осталось недолго, через несколько часов мы прилетим домой, и ты все узнаешь. А сейчас ты не хотел бы в самом деле тему сменить?

– Да, о чем поговорим? О природе, о погоде? – дурашливо пропел мальчишка.

– Хотела расспросить тебя о турмалине. Этот камень мне очень нравится, но не знаю про него почти ничего, – говоря так, я слегка лукавила. В Ворошиловке мы проходили специальный курс изучения драгоценных камней. В него входили: определение стоимости камня, его происхождение; если он натуральный, разумеется, то из какой местности. Прошел ли камень какие-либо процедуры по облагораживанию, и если прошел, то какие. Я сдала экзамен, причем с лучшим результатом на курсе. Так что, в случае надобности, сама могу сыграть роль эксперта в этой области.

Просто мне хотелось отвлечь Никиту от тяжких дум. И, насколько я понимаю, мальчишке эта тема интересней всего, а значит, он часами может увлеченно рассказывать о драгоценных камнях и ювелирных изделиях.

– Турмалин открыли в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году, он относится к классу сложные боросиликаты, – менторским тоном старого лектора завел Никита. – Его название переводится как «смешанный».

– Я вроде слышала – «семь цветов».

– Есть и такая версия, – не стал спорить мальчик.

А я себя одернула. Зачем лезу?

– И действительно, нет равных ему среди ювелирных камней по разнообразию цветов. Насчитывается около пятидесяти оттенков турмалина. В последнее время этот камень очень популярен среди коллекционеров. А красивый турмалин – излюбленный минерал для минералогических коллекций, особенно в США.

– Его оставляют необработанным?

– Да. Так называемые «турмалиновые солнца». Поскольку он имеет множество оттенков, делится на группы: «рубеллит» – розовый, красный, малиновый. Красивый, насыщенного цвета рубеллит очень ценен. Кстати, самый крупный рубин, инкрустированный в корону династии чешских королей, при экспертизе оказался красным турмалином. А также знаменитая виноградная гроздь, которую шведский король подарил Екатерине второй, оказалась выполненной не из рубина, а из красного турмалина. «Ахроит» – бесцветный. «Индиголит» – он синий, синевато-черный. «Верделит» – зеленый. «Шерл» – черный. Есть и минерал с подобным названием, кстати. «Дравит» – желтый, и тоже такой минерал есть. В тысяча девятьсот восемьдесят девятом году открыт самый дорогой из всех турмалинов – «параиба». Бывает всевозможных оттенков зеленого и голубоватого. Чистой воды, насыщенного оттенка параиба стоит около десяти тысяч долларов за карат. «Хамелеонит» назван так за то, что меняет цвет: оливково-зеленый днем и буровато-красный при искусственном освещении.

– Интересно, а сиреневые хамелеониты бывают? – Неожиданно я всерьез заинтересовалась рассказом, обнаружив пробел в своих знаниях.

– Не слышал, если честно, – замялся Никита.

– Мне казалось, что у меня в перстне хамелеонит.

– Ну, я думал, что он скорее к рубеллитам относится, не очень дорогим, – неожиданно мальчишка, смущаясь, залился краской.

– Да ты не робей, я ж не дуручка, понимаю, что дорогие камни оправляют в золото, а что попроще – в серебро. Так что иллюзий не питаю, просто раньше заметила: мой камень цвет меняет, только не приобретает интенсивного оттенка, так, скорее блики. И не зависит от освещения, больше от температуры.

– Ты права, у рубеллита нет такого свойства. – Никита ухмыльнулся, развернулся ко мне всем корпусом и уставился укоризненным взглядом кошачьих глаз: – Провела меня, да?

– Ты о чем?

– Я тут распинаясь, а сама в камнях не хуже меня разбираешься?! Хотела меня отвлечь?

– Разбираюсь немного. И отвлечь тебя хотела – что получилось, – но я не специалист в этой области, так что узнала много нового, честное слово.

Увлекательную беседу прервала стюардесса, которая разносила обеды. До этого момента по салону провозили только тележки с прохладительными и алкогольными напитками, каждый желающий мог взять что пожелает, но к пассажирам никто особо не приставал. Хочешь – берешь стаканчик с тележки, не хочешь – не берешь.

Девушка долго и безуспешно пыталась разбудить нашего соседа.

– Он очень хотел заснуть и выпил какие-то таблетки, может, снотворное, – я попыталась внести ясность в ситуацию.

– Зачем? – насторожилась девушка. Ее большие, умело подведенные глаза расширились от испуга. – У нас не положено...

Мы с Никитой синхронно пожали плечами.

– Пусть спит до прилета, а потом разбудите, – выдал совет мальчик.

– Да, а если он жаловаться станет, что его не покормили? У нас с этим очень строго.

– Тогда скажете, что вы его будили, а он отказался просыпаться, – хихикнул Никита, – а мы подтвердим.

Мы дружно закивали. Успокоенная стюардесса наконец выдала нам обеды и двинулась с тележкой дальше по проходу. Мы сосредоточились на еде.

– Что это за рыба, не пойму, – подросток вяло ковырялся в тарелке, – на семгу не похожа, на кету – тоже.

– Скорее всего, горбуша, она мельче кеты, не такая жирная, поэтому более сухая. – Я тоже не нагуляла особого аппетита, тем более что в гостях у подруги я слегка запустила занятия спортом. Бегала по утрам и делала растяжку, а все остальные упражнения – от случая к случаю. А Ольга поварским мастерством не уступает тете Миле. И готовила каждый день всевозможные блюда, одно вкусней другого. На фоне ее деликатесов самолетная стряпня меркла.

Мы с Никитой переглядывались, хитро улыбались друг другу, слушая, как по соседству жена пилит мужа за третью порцию виски, к которой тот потянулся. И почти ничего не ели.

– Никита, а как тебя друзья называют?

– Ты школу имеешь в виду?

– Да, у тебя славянское имя, а ребята, наверное, англоязычные в основном. Им, я знаю, мягкие согласные тяжело произносить.

– Не все, есть россияне, украинцы, но большинство англичане или шотландцы. И преподавание у нас на английском, разумеется. Тут все предсказуемо, – он улыбнулся, смущаясь. – Кит называют.

– Как? Кит? Прикольно, а самому нравится?

– Да, ничего. Знаешь, я не очень люблю всю эту рыбу, оливки и все такое. – Никита оставил столовые приборы и кивнул стюардессе, что она может забирать его поднос.

– А что любишь? Мороженое-пирожное? – Я с улыбкой подала подошедшей девушке и свой поднос.

– Мороженое не очень, да и пирожные далеко не все подряд, хотя папа считает меня сладкоежкой. Шоколад еще люблю.

– Интересно, каким пирожным ты отдаешь предпочтение? – Не так давно я смотрела передачу по телевизору; психологи вывели новый тест для определения наклонностей человека, за основу тестирования брались предпочтения при выборе десерта. Внезапно мне стало любопытно, что психологи скажут про Никиту. – Так что любишь больше всего?

– Ну, это может быть сложно... Так сразу... Как я понял, нужно одно название, что больше всего люблю? Видимо, это что-то вроде теста? – Мальчик хитро улыбнулся, приглашая подтвердить его слова.

– Да, есть такой грех, хочу знать, что скрывается за обликом современного подростка, – вернула я улыбку.

– Наверное, это глупо, но мои любимые пирожные – обычные «корзинки», с белковым кремом, только не зефир, не безе и не желе. Крем должен быть именно белковым.

– Это может быть небезопасно, – я опять улыбнулась, – или любишь риск?

– Глупости все это, могу съесть коробку пирожных – и ни разу не почувствовал даже легкого недомогания.

– Это здорово, – задумчиво пробубнила я, пытаюсь вспомнить, что говорит по этому поводу тест.

– И знаешь, что странно: от моей любви к «корзинкам» пострадали другие люди.

– Ты натура деятельная, но консервативная, привержен традициям и устоям. Больше всего ценишь стабильность. Будешь противником введения любых изменений, если эти изменения не будут твоей инициативой. Примерно так, насколько я помню. Похоже на тебя?

– Вроде бы похоже.

– Так кто пострадал? – Мое профессиональное чутье заставило насторожиться при словах Никиты, что кто-то пострадал вместо него. Еще когда я вспоминала выдержки из теста, под ложечкой знакомо засосало.

– Да ничего особенного не произошло. Просто нелепая случайность.

– Знаешь, смысл моей профессии как раз в том, чтобы отличить нелепые случайности от тщательно организованных случаев.

– Да? Женя, я вот давно хотел спросить, чем ты занимаешься? – Мальчишка выдал каверзную улыбочку, и мы дружно рассмеялись.

– Вопросами безопасности.

– Чьей безопасности? – Шаловливое настроение не покидало моего собеседника.

– Как правило, тех, кто является моими клиентами. Но сейчас я в отпуске. Так что там с подробностями? Расскажешь?

– Да, пожалуйста. Это было еще до прихода телеграммы. И домой я не собирался. В выходные дни у нас нет занятий, и я работаю помощником ювелира в небольшой антикварной лавке в Лондоне.

Сказанное настолько поразило меня, что, не выдержав, я перебила мальчика:

– Работаешь? Но зачем? Неужели родители урезают твое содержание настолько, что ты вынужден работать?

– Конечно, дело не в деньгах, хотя любой труд должен оплачиваться. Я нарабатываю опыт. Здесь, в Европе, у меня есть возможность обучаться у лучших мастеров.

– А... Ну, прости, что перебила. Продолжай, будь добр.

– Сэр Роджер, так зовут ювелира, накануне выходных сообщил, что лавка будет закрыта по техническим причинам и я могу располагать своим временем как пожелаю. Чтобы не изнывать два дня от безделья, я записался на экскурсию, которую организовывала мисс Эллин. В субботу рано утром мы поехали в Бредфоршир на меловые утесы в Шарпенхоу – Клэпперс. Мои приятели – соседи по комнате – остались в школе: Петер накануне простудился, у него побаливало горло, а Янис был там в прошлом году с родителями и сказал, что не увидел ничего такого особенного, что нужно было бы смотреть второй раз. Экскурсия была рассчитана на день: в субботу вечером мы вернулись назад.

Примерно около полудня для меня принесли коробку пирожных. Янис и Петер были в комнате, они расписались в бланке доставки. Петер запомнил название фирмы: «Хоумберс». К ребятам пришли наши общие приятели, так что в комнате их было пятеро. Пирожные выглядели свежими и красивыми, мальчишки не выдержали и соблазнились. Они стеснялись брать пирожные без разрешения и даже звонили мне на мобильный телефон, но связь была не очень, а может, я в это время был в пещере. В любом случае я разрешил бы друзьям их съесть.

– Как они узнали, что угощение предназначалось тебе?

– Было написано на карточке: «Для Никиты Алмазова, ешь на здоровье». И в сопроводительных документах, где Петер расписался, была моя фамилия.

– Что случилось потом?

– Всем стало плохо примерно через сорок минут. Наверно, пирожные только выглядели свежими.

– Курьер спрашивал тебя лично?

– Нет. Сказал, для кого доставка, и просил расписаться в получении.

«Значит, курьера и фирму могли использовать втемную», – автоматически отметила я про себя.

– Недомогание у ребят в чем выражалось? И врача вызывали им?

– Рвота, головная боль. Как при обычном пищевом отравлении. И врач, кстати, такой же диагноз поставил. Не пойму твоего, Евгения, интереса к этой обычной истории. Все обошлось, все живы-здоровы.

– Анализы проводились?

– Нет. Они все съели. Администрация школы запретила доставку пирожных с белковым кремом, не обработанным термически, заявив, что ребята пострадали от сальмонеллы.

– Значит, никто не насторожился? Хорошо, у меня к тебе всего пара вопросов. Кто мог прислать для тебя пирожные, есть идеи?

– Нет. Я всю голову сломал, даже в фирму по доставке звонил. Они ответили, что доставку оплатили, а остальное их не интересует. Если оплачено наличными, как в данном случае, имя заказчика не фиксируется. Чисто теоретически у меня в Лондоне есть знакомые, но с чего вдруг им присылать мне лакомства? Так что идей нет.

– А скажи, получив любимые «корзинки», сколько штук ты съел бы сам?

– Ну, смотря по аппетиту, мог и все, если бы ребят рядом не было.

«Твои приятели своей прозорливостью, скорее всего, спасли тебе жизнь, – очень хотелось сказать мне, – а тот факт, что их было пятеро, да и ели они не на пустой желудок, спас им жизни. Плюс все молодые, здоровые», – но я промолчала. Все то же чутье подсказывало, что мальчишка не отнесется серьезно к моим словам.

– Никит, уточни, так когда произошла история с отравлением?

– Не понял, число какое было?

– Нет, по хронологии событий. Ты получил телеграмму из дома...

– ...на следующий день после отравления ребят, – на лету подхватил мою мысль мальчишка.

– Вот видишь, какой вывод напрашивается?!

– Не вижу. Какой?

– Если допустить, что авария не была случайностью, а ты сам съел презент от незнакомца, то что?

– Что? – позеленел мальчик.

– Двумя несложными ходами устранена вся семья.

– Глупости! Быть такого не может. У нас нет врагов. И с аварией, в которую попали родители, еще не все ясно, так что давай не будем больше об этом, ладно?

– Хорошо, как скажешь. Но у тебя есть информация к размышлению, как говорил герой одного старого фильма. – Я улыбнулась, пытаюсь шуткой смягчить свои жестокие слова.

До конца полета оставалось совсем немного времени, около сорока минут, по моим подсчетам. Стюардесса в последний раз провезла тележку с напитками. Я взяла какой-то сок, пила его медленными глотками, мысленно ругая себя на все лады. И зачем полезла с этими разговорами? Чутье? Кому оно нужно? Как говорил один мой знакомый: «Чутье к делу не пришьешь». А Никита разнервничался еще больше и, кажется, обиделся.

– Знаешь, я ведь и ошибаться могу, – решила я его успокоить.

– Да, думаю, ты действительно ошибаешься. – Суховатый тон мальчика без слов подтверждал, что он намерен замкнуться в себе.

– Давай, когда самолет сядет, обменяемся телефонами, на всякий случай. Вдруг я все-таки захочу сделать экспертизу моего турмалина? Мы ведь так и не выяснили, к какому типу он относится.

– Я как раз думал о нем, – оживился Никита. – Может, это рубеллит, который облагородили с помощью специальной обработки?

– А как же изменение цвета?

– Или хамелеонит, который после жесткой термической обработки приобрел сиренево-малиновый цвет, не свойственный этому виду, но сохранил его способность менять оттенок? Жаль, что папы рядом нет. Он всегда умеет натолкнуть на нужную мысль, дать подсказку.

– Скоро ты с ним встретишься.

– Знаешь, что меня смущает? Камень не очень дорогой, как ты сама не так давно заметила.

– Из этого следует...

– Основные методы облагораживания камней – это жесткая термическая обработка, около семисот градусов по Цельсию, мягкая термическая обработка, когда камень нагревают не очень сильно, дают остыть, потом снова нагревают. И так несколько раз. Еще применяют облучение и сочетание всех перечисленных методов, но все это применяется к потенциально дорогим экземплярам. Например, к уникальным по размеру камням.

– Наш случай не подходит под твой пример.

– Да, но разгадать загадку интересно. Так что обязательно обменяемся телефонами и, надеюсь, еще встретимся.

При этих словах Никиты самолет пошел на посадку. Командир экипажа попросил всех пристегнуть ремни.

Мы весело переглядывались все время, пока садился самолет. Мальчишка, кося глазами то на нашего все еще спящего соседа, то на стюардессу, шепнул мне:

– Интересно, как она его будет будить?

– Понятия не имею, – хихикнула я. Хотя в Ворошиловке нас обучали секретным приемам, которые выводят не только из состояния крепкого медикаментозного сна, а даже из комы. Финт в том, что подобные навыки рекомендовалось применять при ведении допроса, а в этом случае не очень важно, будет ли допрашиваемый жить дальше. Так что к нашему соседу мои навыки не применить, и милой девушке я ничем помочь не смогу.

После благополучного приземления мы с Никитой, все так же болтая, отправились за моим багажом. У мальчика была с собой только ручная кладь, но он любезно предложил проводить меня.

– Женя, ты, очевидно, без машины? Может, тебя подвезти до дома?

– Я свой «фольк» на время отпуска в сервис сдала, профилактику сделать. Так что собиралась брать такси. А что, тебя должны встретить?

– Обязательно, даже когда меня из школы забирал кто-то из родителей, например мама, папа встречал в аэропорту. А если отец оказывался в отъезде, нас встречала экономка. Она тоже вполне прилично водит машину.

– Твое предложение очень любезно, и я, пожалуй, им воспользуюсь. Что у нас со временем?

– Без двадцати одиннадцать. – Никита отвечал мне, а сам озабоченно вглядывался в толпу встречающих. Очевидно, высматривая свою экономку тетю Машу.

Через некоторое время стало понятно, что мальчика никто не встречает. Мы успели выстоять длинную очередь и получить мой багаж, а также обменяться недоумевающими замечаниями друг с другом. Я даже предложила Никите набрать Марию Федоровну с мобильного. Меня все происходящее насторожило еще больше: несмотря на загруженность и тяжелое состояние родителей, экономка должна была побеспокоиться о ребенке, и если не встретить самой, то организовать встречу кем-либо другим. Никита нервничал и все больше бледнел, но старался не показывать мне вида, что переживает.

– Мы можем сами взять такси, – наконец решила предложить я.

– Попролам?

Европейское воспитание чувствовалось во всем: и в расширении кругозора по выходным, и в щепетильности по поводу оплаты счетов. Я бы постеснялась брать деньги с подростка, но боюсь, Никита будет настаивать.

– Как хочешь, можно и попролам, только я провожу тебя домой. Если не возражаешь, сначала завезем тебя.

– Я не против, хотелось бы попасть домой побыстрее.

– Вы где живете?

– У нас есть загородный дом, но семья селится там не раньше конца мая. Так что сейчас в квартире на Грибоедова. Знаешь, такие новые дома с видом на Волгу?

Эти дома знает весь город: лет десять назад, помнится, постройка комплекса многоквартирных жилых домов на берегу реки сопровождалась громким скандалом. Тогдашнего губернатора обвиняли в том, что он предоставил место под застройку за крупную взятку. Губернатор, разумеется, выкрутился, как, впрочем, всегда. Но Никита помнить этого не может за малостью лет.

– Знаю, конечно, – пробубнила я, набирая местную службу такси.

– А с руки поймать не будет быстрее? – заметил Никита мои маневры.

– Нет. Современные службы такси держат машины в разных районах города, и в районе аэропорта в том числе. Так что медленней не будет, зато безопасней – точно. Да и дешевле – я человек не меркантильный, но зачем переплачивать, если этого можно избежать, не понимаю.

– Правда? – искренне удивился мальчишка.

– Конечно. Сейчас во многих службах диспетчер заранее спрашивает, куда едет пассажир, и говорит стоимость поездки или сообщает эсэмэской.

Во время нашего диалога пришла эсэмэска от диспетчера с номером и маркой такси. И тут же позвонил водитель, сообщив, что его серая «Мазда» номер 34–29 будет ждать чуть левее центрального входа в аэропорт. Я заверила его, что мы уже выходим и будем буквально через несколько минут.

Пряча телефон в карман ветровки, я отыскала глазами Никиту в толпе других пассажиров. То ли я слегка притормозила, пока вела диалог с водителем, то ли мальчишка ускорился, но толпа немного оттеснила его от меня и вынесла метров на пять вперед. Я махнула рукой, намекая подростку, чтобы он притормозил. Никита, поняв меня на лету, кивнул в ответ на входную дверь, без слов говоря, что выйдет из здания и подождет снаружи. Толпа продолжала оттеснять его к выходу. Нехороший холодок засосал под ложечкой. Никита через считанные секунды выйдет из здания и остановится, поджидая меня. На фоне прозрачной стены ярко освещенного зала он будет отличной мишенью, и я так далеко!

Все произошло невероятно быстро для людей, наблюдавших эту сцену со стороны. Только для меня мир замедлился, время изменило свое течение. Молниеносным рывком я преодолела расстояние, разделяющее нас с Никитой, умудрившись кого обойти, а кого и оттолкнуть с дороги. На ходу я пригнулась и перебросила длинный ремешок дамской сумки через голову, чтобы освободить руки, но не бросать на произвол судьбы поклажу, содержащую деньги и документы.

Выстрела не услышал никто, просто громадное стекло за спиной Никиты разлетелось тысячей мелких блестящих осколков. Буквально в последние доли секунды перед выстрелом я успела бросить на пол дорожную сумку, подлетев к мальчику, пригнуть его голову освободившейся рукой. Другой рукой я тем временем доставала из узкого кармана джинсов то, что современный кинематограф называет «звездочкой». Легкое, компактное, незаметное и в умелых руках смертоносное оружие. Только мой экземпляр сделан из высокотехнологичного пластика, который не может обнаружить металлодетектор.

Несколько лет назад, еще до моего «выхода в свободное плавание», я привезла набор этих «звездочек» и еще не менее интересных штук из «командировки» в Японию. Щедрый дар заокеанских коллег не раз выручал меня в трудных ситуациях, когда на встречу, например, нельзя проносить оружие, а мне до боли не хочется голыми руками бороться с толпой резвых мальчишек. Или как теперь: путешествуя самолетом, пришлось бы все любимые игрушки оставить дома, вот когда пригодился пластик. К слову сказать, на тот момент даже в Японии это была новинка, а в нашей стране и по сей день сложно достать что-либо подобное.

От неожиданности и испуга Никита слегка присел, пригнулся к земле, следуя давлению моей руки. Это правильно, только долго оставаться в таком положении нельзя. Стрелявший может повторить попытку, пользуясь всеобщей паникой и сумятицей. Времени высмотреть его нет. Теперь и я, и мальчик представляем собой замечательную мишень. Народ волновался

и галдел, нашлось несколько пострадавших: их слегка оцарапали осколки стекла. Чрезмерно полная тетка, истерично вереща на одной ноте, вбежала в здание аэропорта, зовя на помощь и размазывая по лицу обильно сочащуюся кровь из небольшого, но, видимо, глубокого пореза. Навстречу ей, привлеченные шумом, спешили два охранника из разных концов громадного зала. Один из них говорил по рации, видимо, докладывал обстановку. При подобном происшествии старший смены просто обязан вызвать полицию. А может, ее уже вызвали.

И доблестные «коллеги» уже на подходе. У многих из них моя скромная особа почему-то вызывает крайне негативные эмоции. Некоторые так в глаза и называют: «наша любимая кость в горле». Вопрос в том, желаю ли я расшаркиваться с давними знакомцами и полночи давать объяснения? Мгновенно оценив ситуацию, я приняла решение ретироваться как можно скорее. Запихнув «звездочку» в карман, подхватила сумку одной рукой, другой обняла пребывающего в легком шоке Никиту и легонько подтолкнула по направлению к нашему такси:

– Двигаем! Темп можно ускорить.

Слегка сбитый с толку моим напором и всем происходящим, мальчишка действительно ускорил движение. Быстренько затолкнув его в машину, забросив в ноги сумку, в доли секунды запрыгнув сама, я бросила отрывистое «Не разгибайся», рукой наклонив голову парнишки так, чтобы она была ниже уровня окна.

– Поехали, – велела я слегка оторопевшему таксисту, – мы ваши пассажиры. Добрый вечер, – запоздало поздоровалась я, продолжая высматривать «стрелка» и понимая всю бесперспективность моей затеи.

– Сумку можно в багажник, – сунулся было водитель.

– Ничего, ей и тут хорошо. Мы торопимся, – буркнула я, оглядываясь.

– Что там произошло, не видали? – Иногда мне кажется, что любопытство у таксистов в крови. И передается по наследству.

– Мы не видели. Поезжайте быстрее. Улица Грибоедова. Никит, какой дом?

– Семнадцатый.

– Грибоедова, дом семнадцать.

Таксист обиженно засопел, но с места тронулся, на ходу вводя данные в навигатор. Я продолжала держать одной рукой голову Никиты, настороженно поглядывая по сторонам. Стрелка не просчиталась, судя по всему, он прятался под прикрытием стоявших на стоянке машин. Вон тех, слева у мусорных баков. Стрелял с небольшого расстояния. Пистолет, конечно, с глушителем, поэтому выстрела не было слышно. Нападавший не мог знать, что Никита выходит из здания аэропорта не один. Позицию выбрал довольно удачную: его не видно, кругом сгущающиеся сумерки. А мальчик открыт как на ладони на фоне ярко освещенного стекла.

– Что происходит вообще?! – наконец отошел от шока подросток. Выполз из-под моей руки, тряхнул челкой, вопросительно глядя в глаза.

– А сам как думаешь? – предпочла ответить вопросом на вопрос я.

– Стекло лопнуло, – порадовал чудесами сообразительности он. – Только с чего это вдруг? Слушай, ну и реакция у тебя! Я даже не понял, как ты так быстро оказалась рядом?!

– Никит, давай потише, – скосила я глаза на водителя. Тот прямо-таки прыдал ушами, слушая слова мальчика.

– Ага, – он согласно кивнул и перешел на шепот: – А что это за штучка у тебя такая была? – скосил глаза на карман, в который я запихнула «звездочку». Какой глазастый!

– Как-нибудь потом расскажу, – отмахнулась я. – Послушай меня очень внимательно. Стекло не лопнуло. В тебя стреляли, и если бы я не успела пригнуть твою голову, в ней сейчас была бы лишняя дырка.

– Да ладно, – недоверчиво дернул плечом подросток.

– Совершенно точно.

– Я не слышал выстрела.

– А про глушители слышал?!

– Конечно. Просто не верится. Кому нужно меня убивать? Врагов нажить я не успел, обзавестись наследниками тоже. Может, меня с кем-то перепутали?

– Гениальная мысль, – съязвила я. – Да за такое в бандитском мире знаешь что бывает? Нет, это направленная атака. А на вопросы «кто» и «почему» как раз и надо искать ответы. Они и приведут нас к преступнику.

– Интересно, откуда ты знаешь о бандитском мире? – проявил Никита запоздалую бдительность.

– Мы в самолете шутили по поводу моей профессии. Так вот, я телохранитель.

– Это в том смысле, что ты должна в случае опасности прикрыть собой заказчика?

– Довольно примитивное мнение об охранной деятельности. Вопросы безопасности более широки. И доведу до твоего сведения, что прикрыть собой может любой дурак, это как раз признак невысокого уровня подготовки. А я профессионал высокого класса. Можешь навести обо мне справки. Моя фамилия Охотникова, и в этом городе я имею устоявшуюся репутацию.

– Зачем мне справки наводить?

– Тебе нужна защита. Неужели не можешь сложить два и два? На тебя совершено второе покушение. И хоть лондонские события недоказуемы, второе покушение я видела своими глазами. Так что сомнений уже быть не может.

– Но...

– А родители?

– Что?

– Где гарантия, что авария не была кем-то спланирована и устроена?

– Так не честно, – набычился мальчишка, – не вмешивай сюда родителей!

– Как знаешь, я, разумеется, не буду настаивать, просто помни, что нападавший, скорее всего, повторит попытку, так что будь осторожен.

– Хорошо. Буду.

– И еще: давай обменяемся телефонами и пообещай мне, что ты позвонишь, если что-то случится, даже если что-то насторожит, просто покажется странным.

– Ладно, не переживай ты так. Диктуй номер. – Никита принялся забивать цифры в мобильный, потом сделал вызов, и я подписала его именем высветившийся номер телефона.

– Послушай, разве мы не должны были дождаться полиции?

– Зачем?

– Ну, все объяснить и, если ты права, попросить защиты.

– Даже ты, человек, в которого стреляли, мне не веришь, – сердито зашипела я, видя, что таксист все-таки прислушивается к нашему разговору, – а более недоверчивых людей, чем менты, не найти. И потом, тебя ведь не убили. А знаешь, как они говорят?

– Как?

– «Нету тела – нету дела», так что никто тебя защищать не будет. А еще ты вроде как домой торопился.

– И что?

– А то, что мы бы как минимум полночи в ментовке просидели.

– Это еще зачем?

– Объяснения давали бы.

– Но мы сами ничего не знаем!

– Это, брат, неважно, такие уж методы работы у наших полицейских: брать измором. И еще: многие в нашей тарасовской полиции меня крепко недолюбливают.

– Странно, а почему?

– Видимо, потому, что я порой выполняю за них их работу. Только платят мне за нее намного больше.

– Мужскому «эго» трудно смириться, что молодая красивая девушка успешнее их? – улыбнулся Никита.

– Спасибо, – вернула я улыбку, – похоже на то. В любом случае я могу тебе помочь, не такие загадки решали. Только стоят мои услуги недешево, но, как я понимаю, вы вполне можете позволить себе подобные расходы, молодой человек, – снова улыбнулась я Никите.

– А сейчас ты как раз без работы? – недоверчиво протянул мальчишка.

– Поправочка! В долгожданном отпуске. Но я прерву его ради твоей защиты. Пойми, я не набиваюсь к тебе в охранники. И работу подобным способом не ищу, она сама меня находит. Что поделаешь, слава опережает меня, так что справки обо мне наведи. Фамилию не забыл?

– Помню, – буркнул Никита.

– Кстати, у отца есть охрана? Могли бы и встретить тебя, если экономка занята.

– Нет у нас охраны. Отец придерживается такого мнения, что заводить огромный штат охранников – это самый нелепый способ потратить деньги. Извини, – он виновато замолчал, вспомнив, видимо, что говорит с «охраной».

– Не смущайся.

– Ну, основной бизнес у отца за границей. Здесь только производство. А в Европе, где отец частенько бывает, защитой занимается полиция. Потом, он всегда считал, что, если кому надо, завалят, и никакая охрана не поможет. И лучший способ уберечь себя от врагов – это не заводить их.

– Жизненный опыт доказывает, что твой отец, в общем-то, прав. Если серьезные враги желают твоей смерти, любой, даже громадный, штат охраны их не остановит. Но способ все равно есть.

– Интересно какой?

– Нейтрализовать всех врагов.

– В каком это смысле? Ты что, еще и киллер?

– Фи, молодой человек, – укоризненно протянула я, – что за нравы у современной молодежи? Я имела в виду отыскать и сдать в полицию, найдя, разумеется, доказательства их вины. – В Ворошиловке нас всему учили, и устранять противника физически мне, разумеется, раньше доводилось. Только Никите знать это незачем.

Тем временем такси остановилось перед шлагбаумом, закрывающим въезд в ухоженный современный дворик. Из стоящей рядом будки выглянул охранник:

– Вы в какую квартиру?

– А что? – растерялся водитель.

– Уважаемый, вы пытаетесь въехать на охраняемую территорию. Скажите номер квартиры, я свяжусь с хозяевами, только после этого проезжайте.

– Квартира Алмазовых. Дядь Сень, это я, – подал из машины голос Никита.

– Никит, приехал, значит? А задержался так чё? – Пожилой дядька заглянул в такси, приветливо и немного суетливо кивнул мальчику и рванул в будку. Через пару секунд шлагбаум приподнялся, пропуская машину.

– Вон тот подъезд, пожалуйста. – Никита показал нужный, и мы проехали еще пару десятков метров.

– Ничего себе... – В свете, льющемся из аккуратных современных фонарей, были видны грамотно разбитые клумбы, лавочки, беседки, чуть дальше располагалась детская площадка. Судя по тому, что я могла видеть из машины, несколько многоквартирных домов стояли на огороженной высоким забором и очень ухоженной территории. – Неужели наши научились строить?

– Еще чего, – Никита ухмылялся, довольный моим изумлением, – и дизайнер, и подрядчики – только европейские фирмы.

– Тогда понятно. Проводить тебя?

– Не нужно, у нас тихий дворик, чужих здесь не бывает, ты ж видела. Я за такси половину должен, – Никита шарил по карманам, – у меня есть какая-то мелочь, но в евро.

– Да не парься, потом отдашь. Созвонимся, встретимся, не проблема. Ваши какие окна? Я вслед за мальчишкой вышла из машины и закурила сигарету.

– Вон те, второй и третий этажи, а под нами SPA-салон. Только что-то окна все темные.

Странно.

– Давай все же провожу, водитель подождет, – кивнула я на таксиста.

– Не надо, спасибо тебе за все. Пока.

– Пока. Я подожду. Как войдешь, свет включишь, к окну подойди. Буду знать, что все в порядке.

Никита согласно кивнул и вошел в подъезд. Едва я успела докурить сигарету, на нижнем этаже квартиры Алмазовых зажегся свет. Через пару секунд парнишка подошел к окну и помахал мне рукой. Я махнула в ответ, вернулась в машину и, назвав свой адрес, откинулась на спинку заднего сиденья.

Всю дорогу к дому я пыталась анализировать свое поведение. Небывалый случай, чтобы я сама напрашивалась кому-то в телохранители. Так повелось, что клиенты сами находили меня. Если бизнесмен станет расспрашивать знающих людей, кто в нашем деле самый лучший, среди пары-тройки фамилий ему назовут и мою. Так что с наличием работы у меня проблем нет, особенно в последние годы. Правда, и разбогатеть как-то не слишком удалось. Даже на отдельную квартиру скопить не выходит. И я по-прежнему живу с тетей Милой, хотя нас обеих это вполне устраивает.

Может, это сказывается время, проведенное с подругой и ее милыми ребятишками? И мой неостребованный материнский инстинкт разгулялся, отсюда и желание опекать мальчишку? Только не проболтаться тете Миле. А то оседлает своего любимого конька и заведет: пора замуж, деток. И да, не забыть: срочно сменить работу!

По моему лицу блуждала задумчивая улыбка. За годы, проведенные вместе с тетей, я досконально изучила ее реакции. Я продолжала улыбаться, ловя на себе недоумевающие взгляды таксиста.

* * *

После первых приветствий, объятий и поцелуев дома меня ждала нахлобучка от любимой тетушки.

– Женечка, позволь поинтересоваться, где твоя советь? – начала она прямо с порога.

– Сейчас такое время трудное, и я ее прячу в надежном месте. А что, тетя Мила?

Тетя выразительно постучала указательным пальцем по циферблату изящных наручных часиков.

– Я же переживаю, ты пойми. Самолет давно прилетел, а тебя все нет и нет. Неужели нельзя позвонить? Ужин остыл давно, я изнервничалась. Уже собралась обзванивать больницы.

– А морги?

– Женя, что за юмор казарменный?!

Тетя Мила сложила ручки на груди и расстроено хлопала глазами. Внезапно мне стало стыдно. Задержалась я не сильно, но позвонить-то действительно могла. Просто со всеми этими событиями я забыла о тетушке, а ведь она меня ждет и действительно переживает.

Я обняла тетю, поцеловала ее в щечку.

– Ну, прости меня, прости. Закрутилась, не заметила, что задерживаюсь. Признаться, думала, что ты спишь уже крепко.

– Что ты, Женечка, я жду тебя с нетерпением. Ты по телефону ничего толком не рассказывала. Как там Олечка, а муж ее, а детки? А ты сама? Случайно ни с кем не познакомилась? Ты ведь у меня такая красавица.

В глазах тети светилась надежда, замешанная на детской непосредственности, и я, не подумав, ляпнула:

– Познакомилась в самолете с одним очень интересным молодым человеком. Кстати, именно из-за него я и задержалась.

– О, ну тогда я тебя прощаю. Кто он? Как зовут? Чем занимается?

«Молодец, Женя, – похвалила я себя мысленно, – ума палата...»

– Зовут его Никита, – недовольно буркнула я, разбирая дорожную сумку и извлекая пакет с презентами для тетушки. – Только ты особых планов не строй и вопросов мне про него пока не задавай. Ладно?

– Конечно, дорогая, твой скверный характер способен испортить любое, даже самое перспективное знакомство.

– Тетя Мила, давай пока не будем об этом. Вот посмотри лучше, что я тебе привезла, – я вручила тете пакет с подарками. – Оля с мужем презентовали тебе обалденный брючный костюм. Остальное – от меня. Может, хочешь примерить?

– Спасибо, солнышко мое. – Тетя радостно подпрыгнула на месте, взяла пакет и заглянула вовнутрь, сгорая от любопытства. – Что там еще?

– Сюрприз. Посмотри сама, примерь. И покажись мне.

Тетя ушла в свою комнату, разбирать и примерять подарки, а я быстренько разложила вещи и, включив компьютер, набрала в поисковике: «Блеск алмазофф». Программа выдала несколько ссылок, я открыла ближайшую. Мысли о мальчике не оставляли меня, беспокойство не позволяло сидеть сложа руки. Для начала я решила проверить все, что Никита рассказал про себя и свою семью. Всемирная паутина ничем новым не порадовала, только та информация, которую я уже знала: бутики в Европе, завод в Покровске. Перспективный, не очень большой бизнес. Кому же вы, Алмазовы, дорожку перешли?

* * *

Мое утро началось чуть раньше обычного. За время пребывания в Англии я слегка запустила тренировки. До потери формы, конечно, еще далеко, но доводить до такого недопустимо. Чтобы не разбудить еще спящую тетушку, я тихонько выскользнула из квартиры и отправилась на пробежку. После пробежки завернула на спортплощадку у школы, выполнила комплекс силовых упражнений, отработала удары из боевого карате, позанималась на брусьях. Под конец упражнения на растяжку. Их вообще игнорировать опасно: коварное тело мгновенно утратит гибкость и подвижность.

Стоя под струями теплого душа, я планировала предстоящий день. Сначала легкий завтрак, потом на СТО, забрать мой любимый «фольк». Потом в тир, давненько не упражнялась в стрельбе, а потом, собственно, я свободна как ветер.

Тетушка уже проснулась и даже успела приготовить завтрак. Она бросилась ко мне, выражая восторги по поводу скромных лондонских презентов.

– Женечка, спасибо, все такое стильное, красивое, так со вкусом подобрано.

– Не стоит, тетя Мила, я с удовольствием выбирала для тебя подарки. А как тебе брючный костюм, что Оля подарила? С размером угадали?

– Да, сидит как на меня сшитый. Я вчера не стала к тебе приходить, время уже позднее было. Ты ведь с дороги, устала, наверное. И потом, я ни на минуту не сомневалась, что ты вскочишь ни свет ни заря и рванешь изводить себя своими упражнениями жуткими.

Я блаженно потянулась:

– Ничего ты, тетя Мила, не понимаешь. За долгие годы тренировок мой организм привык к нагрузкам и веществам, выбрасываемым в кровь во время них. Я теперь без этого долго не могу.

– Хочешь сказать, что, когда ты выйдешь замуж, родишь детей, ты будешь продолжать издеваться над собой?

Наливая себе свежевыжатый апельсиновый сок, я ухмыльнулась. Тете Миле меня никогда не понять:

– Ну, когда все это будет? Будем решать проблемы по мере их поступления.

– Хоть на Ольгу посмотри. Муж, двое прекрасных деток, дом полная чаша. Ну чем ты хуже?

– Кто сказал, что хуже?

– И умница, и красавица, – тетушка расстроено махнула рукой, – да что с тобой говорить – все без толку.

– Правильно, – я широко улыбнулась, – умного учить – только портить.

– Да ну тебя, расскажи лучше про Оленьку. Как они живут? Как муж, как детки?

– Все у нее хорошо, все здоровы, дети растут, с мужем полное взаимопонимание.

Правда... – я слегка замялась.

– Что?

– Может, мне и показалось, а может, так и есть: Оля очень тоскует по родине. Я когда гостила у нее, только и разговоров было: дом, детство, Россия. Скучает, а поехать и не к кому.

– Как же не к кому? А мы? Ты бы к нам пригласила!

– Спасибо, тетя Мила, ты у меня такая добрая и чуткая. Я, конечно, говорила, что жду их с ответным визитом, но для официального приглашения нужно было твое одобрение. Так что приглашу обязательно. Только когда она к нам соберется? Не раньше, чем дети немного подрастут. Знаешь, она как-то в момент особой откровенности сказала про англичан: «Они все здесь такие холодные, чужие какие-то».

– Да, деточка, не зря в народе говорят: «Где родился, там и содился».

– Наверно, просто менталитет разный у русских и европейцев, и привыкнуть к этому сложно. И, я заметила, подруг у Оли там совсем нет, так, только приятельницы. За границей все доброжелательные, улыбчивые, но держат друг друга на расстоянии. А выходя из России, привыкшему к душевным разговорам за чашкой чая, неожиданным визитам друзей и возможности запросто заскочить к соседям за солью, сложно жить по-другому.

Слушая мой затянувшийся монолог, тетушка заметно погрузилась и призадумалась.

– Знаешь, Женечка, что я подумала? Не будем отдавать тебя замуж за иностранца. Русская душа за границей изведется.

– Тетя Мила, я тебя обожаю, – расхохоталась я. – А кто зовет-то замуж?

– Ну, я так, на будущее. А что тот молодой человек, с которым ты в самолете познакомилась? – как бы невзначай завела тетя.

– Предупреждала же, – хохотнула я, представив, как разочарованно вытянется лицо тети при виде моего «кавалера» Никиты, – планов не строй.

– Я? Что ты, какие планы? Просто так спросила.

– Ну да.

– А вы телефонами обменялись? – закинула тетя Мила удочку с другой стороны, в попытке добыть хоть какую-то информацию.

– Обменялись, – голосом старого оперного трагика заявила я, скорчив при этом гаденькую гримаску.

Позавтракав, я переделалась в легкий брючный костюм, похоже, сегодня будет очень тепло. Под пиджак надела наплечную кобуру с револьвером. Заеду в тир после СТО, эти тренировки тоже нельзя забрасывать, мгновенно сказывается на качестве стрельбы.

Вызвала такси и отправилась за своим «красавцем», предварительно созвонившись с мастером и убедившись, что у них все готово. По дороге я продолжала думать о Никите: как там парнишка справляется и что ему удалось узнать? Может, и в самом деле не стоит приставать к человеку со своими предложениями? А спокойно продолжить отпуск, махнуть, к примеру, к морю, куда-нибудь в теплые страны, можно и тетю Милу с собой взять. Она давно нигде не отдыхала. Только беспокойство не оставляло меня. Я продолжала думать о Никите и уже совсем решила набрать его номер, как мой телефон зазвонил:

– Здравствуй, Женя.

– Привет, Никита, как дела?

– Не очень, если честно. – Тон мальчика был расстроенный и озадаченный.

– Что-то случилось, Никит?

– Ничего особого не произошло, только я один и не понимаю, что происходит.

– Как это один? А экономка где, а прислуга?

– Не знаю. Вчера квартира была пустой, я решил, что время позднее. Марию Федоровну я, правда, пытался набрать, хотел узнать подробности про аварию и самочувствие родителей. Она не отвечает. Ты не могла бы приехать? Похоже, мне все-таки нужна твоя помощь.

– Хорошо, жди меня, я сейчас заберу машину и приеду.

С тиром, похоже, придется повременить, да и бог с ним. События, происходящие в жизни семьи Алмазовых, беспокоили меня куда больше.

На СТО не возникло затруднений или каких-либо задержек. Расплатившись с мастером, я забрала свой заново отполированный, сверкающий, как новая монетка, «фольк». За время моего отсутствия в машине сменили масло, проверили ходовую, отремонтировали ручку передней пассажирской двери. Последнее время она стала туго открываться. В качестве комплимента от мастера – отполировали. Конфетка, а не машина.

По дороге к дому Алмазовых я продолжала думать о Никите. Странная складывается ситуация. Родители попали в аварию, мальчику сообщают об этом без каких-либо подробностей и вызывают из Англии. Держат его в неведении относительно состояния родителей. Ведь пока Никита собирался, отпрашивался, прошло несколько дней. Ну можно же было позвонить или опять телеграмму отбить. Но экономка хранит молчание, и к домашнему телефону никто не подходит. За это время совершается два покушения на мальчика. А ведь чтобы все организовать, спланировать, нужно время и деньги. Преступник или не один, или достаточно близок к Никите. Ведь стрелок, ожидавший его прибытия в аэропорт, уже точно знал, что мальчик не отравился пирожными, и знал примерное время прилета. Я отметила для себя, что нужно не забыть спросить у Никиты, не справлялись ли о его здоровье сразу же после инцидента с отравлением. Похоже, подростка специально вызвали домой, здесь преступнику гораздо легче до него добраться. И значит, «любезная» Мария Федоровна у нас подозреваемый номер один. А Никита до сих пор в опасности, и нужно ждать очередного покушения.

От этой мысли мне стало совсем неуютно. Как я могла бросить ребенка одного? Правда, не такой уж он и ребенок и от моей помощи вчера категорически отказался. Хорошо, что сегодня передумал. Я увеличила скорость, рискуя нарваться на штраф от бдительного инспектора ГИБДД, и целиком сосредоточилась на маневрировании в потоке машин.

Охранник на посту был уже другой, видимо, они успели смениться. Номера квартиры я не знала, поэтому сказала:

– Евгения Охотникова к Никите Алмазову. Он меня ждет.

– Вы договаривались?

Ясное дело, раз меня ждут!

– Да, – сдержалась я от комментария.

– погодите.

Дядька ушел в будку, чем-то долго щелкал, наконец заявил:

– Проезжайте.

– Номер квартиры скажите.

– Двадцатая.

Здорово, даже не попытался проверить документы, сердито думала я, подкатывая свой «фольк» к нужному подъезду.

Никита вышел меня встречать.

– Привет, – поздоровался он.

– Привет. Я говорила, ждать в доме. – Недовольство охранником вылилось на мальчишку.

– Ты же номера квартиры не знаешь. И у нас охрана на воротах.

– Ваши охранники раздолбай! Даже документы не спросил! Так какая угодно девица могла заехать.

– Он мне твоё имя назвал и описал внешность: роскошная стройная брюнетка с зелеными глазами, – широко улыбнулся Никита.

– Значит, слегка похожая девица.

– Похожих на тебя нет, – заулыбался мальчишка.

– И вообще на территорию можно попасть, минуя охрану. – Польщенная этим бесхитрым комплиментом, я схватила Никиту за плечи и шутливо затрясла.

– Через забор? – Подросток округлил глаза.

– Да.

– И ты можешь через наш забор перемахнуть?

– Элементарно, Ватсон, – процитировала я героя старого фильма.

– Я читал Шерлока Холмса, – просиял Никита.

– Он еще и читает, ну золотой ребенок!

– Я не ребенок.

– Пардон. Молодой человек. – Так болтая, мы зашли в квартиру. Входная дверь располагалась на уровне второго этажа. На одной лестничной клетке всего две квартиры.

Видимо, современная европейская планировка.

– Проходи, располагайся, – суетился вокруг меня Никита, – кофе сварить?

– А ты сам ел что-нибудь?

– Вчера мне не хотелось, и я сразу спать лег, после того как попытался дозвониться Марии Федоровне.

– Не берет трубку? – не сдержала я любопытства.

– Телефон отключен. А сегодня я пил кофе с печеньем. Дома почти никаких продуктов нет. – Мальчишка потупился и, кажется, смутился.

– Так. Давай ты мне все расскажешь, я тут быстренько осмотрюсь, и поедем куда-нибудь позавтракаем. Согласен?

– Хорошо.

Просторная прихожая была отделена от гостиной аркой. Уютная мягкая мебель оттенка кофе с молоком: диван, несколько кресел и пуфов. Много ухоженных цветов вокруг и на застекленной террасе – они виднелись сквозь матовое стекло. Среди них множество экзотов, сейчас это модно, но есть и простые, с детства знакомые виды растений.

– Да у вас не квартира, а цветник. Мама увлекается?

– Ты еще наш загородный дом не видела. Это «чтобы зимой не тосковать о лете» – так мама говорит. Она и ухаживает за всеми этими цветами сама, горничная ей иногда помогает, когда пересадить что-то надо.

Я присела в удобное мягкое кресло, Никита пристроился на пуфе напротив.

– Рассказывай. С экономкой связаться не удалось. А остальные? Ты говорил, есть еще горничная и повар.

– Их нет никого. Не понимаю, что происходит. Мария Федоровна могла отпустить в отпуск или на выходной Галину и тетю Катю, если родители в больнице. Но тетя Катя всегда готовит что-то вкусненькое к моему приезду. Даже если на выходной уходит, в холодильнике оставит. А холодильник совершенно пуст, значит, меня никто не ждал.

Или были уверены в том, что мальчику уже не понадобится еда, хотелось добавить мне, но Никита выглядел таким расстроенным и растерянным, что я сдержалась.

– А еще цветы, – продолжал подросток, – их давно никто не поливал и не опрыскивал. Некоторым тропическим растениям необходимо частое увлажнение листьев. Мама всегда строго за этим следит, если она в отъезде, поручает своих «питомцев» горничной Галине или тете Маше. А если мы все за городом, за цветами ухаживает Юлька с пятого этажа. Она студентка и бывает рада небольшому приработку. Я ей звонил, – опередил мой вопрос мальчишка, – с Юлей никто не связывался, цветы поливать не поручал, ключей не оставлял. Марию Федоровну или Галину с тетей Катей она давно не встречала.

Внезапно раздался сильный грохот осыпающихся кирпичей и штукатурки.

– Это что? – подпрыгнула я в кресле.

– Соседи ремонт делают, видно, и стены ломают, не обращай внимания.

– Ага. Ты не против? Мне нужно осмотреть здесь все: и комнаты родителей, и прислуги.

– Конечно, смотри, я могу проводить, если хочешь. Если нет, то как раз закончу поливать цветы.

– Не буду тебе мешать. Просто расскажи, где здесь что.

– На втором, вернее третьем, этаже моя спальня, – махнул Никита в сторону лестницы, – кабинет отца, спальня родителей, две ванны и санузел. Под лестницей кладовка с разным хозяйственным хламом, рядом душ и туалет, левее – комната отдыха прислуги. Они там чай любят пить, и диван стоит, телевизор. Тетя Катя, когда работы много, ночует там, но это редко бывает, обычно домой ездит. Дальше комната экономки. По правую сторону от гостиной – столовая, за ней, через стенку, кухня. Вот и все, у нас скромная, но комфортная квартира.

– Ага. Ну, я пойду. Поливай цветы.

Никита кивнул и исчез на террасе с брызгалкой и лейкой. А я начала осмотр с помещений прислуги, бурча себе под нос: «Лично знаю пару десятков человек, которые отдадут правую руку, чтобы жить в такой «скромной» квартире, даже в ее уменьшенной копии».

Осмотр комнаты прислуги ничего особого не дал. Стол, чайный сервиз, в шкафу оставшая посуда. Диван, телевизор, кстати, у хозяев в гостиной его нет, видимо, не фанаты просмотра сериалов и глупых передач. В шифоньере постельные принадлежности и полотенца, в большом отделении одиноко висит байковый халат, не маленький такой. Наверное, Катерина забыла, повара, они обычно внушительного размера тетки. И больше никаких личных вещей.

Комната Марии Федоровны порадовала легким слоем пыли и абсолютной стерильностью шкафов. Экономка не просто ушла на выходной или дежурит в больнице, как мы с Никитой раньше думали, она забрала все свои вещи! Помнится, Никита говорил, что Мария Федоровна единственная из прислуги живет в доме постоянно. Значит, она ушла, не рассчитывая вернуться. Странно все это и подозрительно.

В столовой ничего примечательного не нашлось, такой же слой пыли, как и везде, несколько еще не политых Никитой цветов. Я аккуратно потрогала почву в одном из горшков –

очень засохшая, хотя растение не погибло, даже не утратило здоровый вид. Значит, ухаживать за ними перестали не так давно, примерно с неделю, когда и началась вся эта история.

Кухня практически идеально убрана, вездесущую пыль, видимо, смахнул хозяйственный мальчишка. В холодильнике чисто и пусто. Не завалилось ни недоеденной пачки масла, ни полупустой упаковки соуса, ни завядшего пучка петрушки. Все выбросили, сам агрегат вымыли. В мусорном ведре валяется пачка из-под галет, съеденных Никитой.

Посмотрим, что на третьем этаже. Так, это комната Никиты; постель разобрана, монитор включенного компьютера в режиме ожидания. Я бросила взгляд в приоткрытую дверь и не стала заходить. Надо перед уходом напомнить мальчишке выключить машину.

– Жень, ты в мою комнату не входи пока. – Услышал, видимо, что я наверх поднялась, вспомнил про беспорядок в комнате. Я ухмыльнулась:

– Я в кабинете твоего отца! – крикнула вниз.

В кабинете все тот же слой пыли на дорогом письменном столе, книжных полках, шкафах, в остальном идеальный порядок.

Я открыла несколько шкафов: стопки бумаги и папок аккуратно сложены; посторонний не копался в них, или у него было достаточно времени, чтобы придать документам первоначальный вид.

В спальне родителей я тоже не обнаружила видимого беспорядка. Кровать, тумбочки, туалетный столик – на первый взгляд все вещи на месте, но нужно уточнить. Маленькая комната рядом оказалась гардеробной, о ней Никита забыл упомянуть. Я щелкнула выключателем: взору предстали платья, блузы, костюмы мужские и женские. Полки со свитерами, коробки с обувью, отдельно висела зимняя одежда, убранный в чехлы.

– Это вещи родителей, – мальчик поднимался по лестнице, – мои помещаются в шкаф в спальне.

– Я не просто любопытствую, нужно знать, все ли на месте.

– Понимаю. Вроде все.

– В квартире есть сейф?

– В кабинете отца, но там ничего нет, я смотрел. Отец не хранил дома крупных сумм или драгоценности мамы. Все это в банке, в ячейке. В сейфе могли быть деньги, если папа собирался оплатить партию камней или золота. А так даже мелочь на домашнее хозяйство лежала в ящичке стола.

– Сделки накануне были, не знаешь?

– Вроде нет. Крупных точно не было.

* * *

Через несколько минут мы, закрыв квартиру, спустились в ухоженный двор. Никита сообщил, что в соседнем подъезде вполне приличное кафе и ехать куда-либо нет смысла.

Подшучивая над аппетитом «растущего организма», мы сделали заказ.

– Никит, ты видел, что вещей экономки нет?

– Видел, это очень странно.

– А ее адрес ты знаешь?

– У тети Маши небольшой домик возле Мясницкого рынка. Там ее сын живет с семьей. Им было всем тесно, и она нашла работу с проживанием, шутила, что круглые сутки на работе. Мы туда ездили пару раз, так что я покажу дорогу.

Мне принесли сок и кофе, Никите – сок, салат и спагетти «болоньез». Он принялся активно жевать, вслух рассуждая, не заказать ли еще кусок пиццы.

– Да, сильно ты проголодался. Надо было кормить тебя в первую очередь, потом остальное.

– Нет, – пробубнил с набитым ртом мальчик, – сначала цветы, потом все остальное. Они так засохли, похиходил даже привял, он влаголюбивый очень.

– Первым делом навестим Марию Федоровну. Она должна быть в курсе происходящих событий. Скажи, в Лондоне после отравления мальчишек кто-нибудь справлялся о твоём здоровье? Может, звонили представителю администрации или тебе?

– Вроде нет, мне точно никто не звонил, – увлеченный мыслительным процессом, подросток прекратил орудовать вилкой, даже жевать, – хотя кто-то звонил в администрацию. Янис, помнится, шутя возмущался: «Мы отравились, а все звонят, здоровьем Кита интересуются».

– Так. А кто звонил, ты, конечно, не помнишь?

– Я и сам-то разговор едва вспомнил, только когда ты спросила. Был занят сборами в дорогу и мыслями о родителях. Но сейчас я совершенно точно помню, Янис говорил: «Звонила какая-то леди», то есть женщина.

– Уже кое-что. – Я отхлебнула сока и задумчиво уставилась в окно. – Ты ешь, ешь.

– Женя, а почему ты об этом спросила?

– Понимаешь, тот, кто стрелял в тебя в аэропорту, приехал туда заранее, приготовился, а значит, точно знал, что Никита Алмазов еще жив.

– А звонила женщина, и поэтому ты тетю Машу подозреваешь? Так нельзя!

– Не горячись. Подозревать – моя работа, но не только поэтому. Примерно половина населения земли женщины, так что женский голос не может быть доказательством вины лично Марии Федоровны. Подозрительно все: и ее исчезновение из вашей квартиры, и тот факт, что на связь не выходит, и то, что тебя вызвали из Англии. Но телеграмму мог отправить другой человек, от ее имени например. Нужно все прояснить и для начала поговорить. Как правило, прислуга неплохо осведомлена о делах хозяев.

– Меня здесь легче устранить? – Мальчишка нервно запнулся на последнем слове.

– Конечно, – «утешила» я, – и дешевле, не надо тратиться на билет до Лондона. – Усмехнулась: – Чего преступники не могли предвидеть, так это того, что в самолете ты познакомишься с Евгенией Охотниковой.

– А, – обрадованно встрепенулся Никита, – я наводил о тебе справки!

– Да? И что говорят?

– Ты правда служила в этом, забыл, как называется...

– Правда, – предупредила я мысль.

– А в этом... как его...

– А вот это – лгут, – припечатала я с самым серьезным видом.

– Да? – Мальчишка озадаченно хлопал глазами.

– Шучу. Я действительно боевик экстра-класса и служила в очень серьезной организации, но об этом вряд ли напишут в Интернете.

– Как про Интернет узнала?

– Военная тайна. – Ну как же еще современный подросток будет наводить справки? – Теперь поговорим серьезно. У меня есть одно требование.

– Ко мне лично?

– К каждому, кого я берусь охранять. Ты будешь четко выполнять все мои указания. И помогать по мере сил в информационном смысле.

– Конечно, буду. По мере сил, – хитро улыбнулся мальчишка.

– Ничего от меня не скрывать, это очень важно! И слушаться, даже если тебе мои слова покажутся глупостью.

– Например?

– Если я говорю «пригнись» – сначала пригнешься, а только потом спросишь: «Зачем?» Или если я говорю «ложись» – падаешь на пол, даже если перед твоими ногами громадная лужа. Понятно?

– Ну, в общих чертах. А зачем нам в лужу?

– Твоя жизнь в опасности. Со временем мы с этим разберемся, то есть вычислим негодяя, который пытается извести вашу семью. А пока твоя главная задача – выжить, значит, не только слушать советы профессионала, а молниеносно им следовать. Приведу еще один пример: когда я была совсем маленькая, в одном крупном городе Советского Союза произошла серьезная авария. У трамвая при спуске с довольно крутого холма отказали тормоза. Рельсы шли резко вниз, после довольно большого спуска – крутой поворот. Участок дороги и без того опасный. Вагоновожатая, да, не улыбайся, так тогда назывались молоденькие девушки, управлявшие трамваем, была хорошим профессионалом и понимала, что бессильна исправить ситуацию: они разобьются, и пассажиры кто погибнет, кто сильно пострадает. Но пока трамвай, набирая скорость, несся вниз, было время принять хоть какие-то меры. Девушка объявила по селекторной связи с вагонами, что происходит. Открыла двери и предложила людям в хорошей физической форме прыгать на ходу. Несколько молодых парней рискнули. Впоследствии они отделались легкими ушибами, кажется, один сломал руку.

– А как же остальные?

– Остальным она тоже предложила принять меры, которые могут спасти им жизнь. А именно: встать со своих мест, лечь на пол лицом вниз и прикрыть головы руками. Все, кто это сделал, выжили, более того, практически не пострадали. Так, шальные осколки в мягких тканях спины и попы. У особо везучих – легкие царапины. Но так поступили очень немногие. Основная масса продолжала сидеть на своих местах. Как же, пол ведь грязный! И они будут иметь такой нелепый вид!

Вагоны не просто перевернулись, они догнали трамвай, который был впереди и в это время стоял на остановке. Число погибших перевалило за четыре сотни, сильные травмы, переломы, осколки в тканях всего тела, изрезанные лица, выбитые глаза у тех, кому повезло выжить. А нужно было всего лишь быстро, не стесняясь, выполнить инструкции водителя трамвая.

– Какой ужас! Но про инструкции я уяснил, – заверил Никита.

– Такая задача и стояла, – улыбнулась я.

– А что стало с девушкой?

– Вагоновожатой?

– Да.

– Она погибла. До последней секунды своей жизни пыталась затормозить и спасти людей.

– Но ведь она тоже могла выпрыгнуть на ходу.

– Могла. Три раза.

– Это как?

– Самый большой риск – прыгнуть за несколько секунд до столкновения. Но скорость движения уже была такова, что без серьезных травм не обошлось бы. Девушка ведь не спецназовец. Но, может, и выжила бы.

– Ага.

– Она могла прыгнуть сразу после того, как сделала объявление и дала инструкции. К тому времени скорость уже была приличная, но все-таки поменьше. И еще...

– Она могла прыгнуть сразу, как только поняла, что тормоза отказали? С минимальным риском для себя?

– Соображаешь. Да. Могла. Может, в этом случае ей грозил бы суд и тюрьма. Даже совершенно точно, водитель отвечает за жизнь своих пассажиров. Но она осталась бы жива. Только девушка этого не сделала. И не потому, что тюрьмы испугалась. Молоденькая девчонка до последней секунды пыталась спасти как можно больше людей. Смотреть смерти в лицо и думать о других – это подвиг.

– Тогдашнее правительство это как-то отметило?

– Нет. Эта трагедия не предавалась гласности. Тогда была такая политика партии, – горько усмехнулась я.

– Но так несправедливо поступать!

– Да уж. Мне эту историю отец рассказал, он как раз в том городе в командировке был. И я для себя сделала вывод.

– Какой? Не ждать лавров от Отечества?

– Нет. Этот гораздо позже. – Я опять усмехнулась – какой толковый мальчик! – Спасая свою жизнь, не стыдно упасть в грязь. Стыдно – совершить подлость. Ну, мы с тобой отвлеклись. Если ты наелся, давай расплачиваться, и поехали с визитом.

– А как же договор?

– Какой?

– Нужно заключить договор о предоставлении охранных услуг, или как там правильно пишется. Оговорить размер твоего гонорара, оплату текущих расходов и так далее. – В это время официантка принесла счет. – Кстати, счет оплачиваю я, ты так и не взяла с меня мою долю за такси.

– А деньги у тебя есть? – не смогла я скрыть улыбку, чувствуется европейское воспитание.

– Конечно. Я взял у отца в столе. Правда, там немного было. Но у меня есть карточка с наличкой, счет открыт на мое имя, я полноправный его хозяин. Сейчас заедем в банк, сниму. Так что можем ехать к нотариусу заключать договор.

– Ну, если ты настаиваешь, чтобы все было по правилам, – поехали.

Выехав со двора, провожаемые недоумевающим взглядом продолжавшего крутиться у будки охранника, мы с Никитой весело переглянулись и отправились в центр города. Там нотариальных контор, как грибов после дождя, заходи в любую. Никита сказал название нужного банка, один из филиалов его располагался рядом с цирком. А неподалеку оттуда находится контора моего знакомого нотариуса Виталия Семеновича.

По дороге я с ним созвонилась и объяснила нашу проблему, попросила назначить время пораньше, чтобы в очереди не стоять.

* * *

Пока Никита возился возле банкомата, я деликатно осталась чуть в сторонке и разглядывала горожан. Через некоторое время обратила внимание, что мальчишка чертыхается себе под нос и уж что-то больно долго копается.

– Кит, что стряслось? – Я подошла поближе и сразу увидела. На весь экран банкомата светилась красная надпись: «Заблокировано». Упорный подросток продолжал сердито жать на клавиши и бормотать:

– Не пойму, ерунда какая. Что ему надо?

– Спокойно, не суетись. Нажми отмену операции.

Машина выдала карточку и чек.

– Пошли к другому банкомату, этот глючит.

– Твой счет заблокирован, машине все равно.

– Как такое может быть? Кем? Почему?

– Мы это выясним, а сейчас поехали. Можно, конечно, зайти в банк, если у тебя с собой есть документы на вклад и удостоверение личности. Но мы только время зря потратим: нам сообщат то, что мы уже и так знаем – доступа к счету нет. А ответ на вопрос, кто заблокировал, служащие банка не дадут и под пытками.

– Правда, не скажут. Что же делать? – Мальчишка, понуро опустив плечи, побрел к машине.

– Не унывать! – выдала я распоряжение. – Бог с ними, с деньгами, разгребем эту историю, тогда заплатишь.

– Ладно. Но к нотариусу все равно поедем. – Никита порылся в карманах куртки и выудил купюру в десять евро. – Вот. Пусть это будет аванс.

* * *

С Виталием Семеновичем мы были знакомы со времен одной давней истории, в которую умудрился вляпаться его горячо любимый племянник. Будучи специалистом широкого профиля, я столь виртуозно устранила угрозу, что мальчик не попал ни в беду, ни в тюрьму. Старый нотариус испытывает ко мне нечто вроде отеческой привязанности, смешанной с безграничной благодарностью. Чем я беззастенчиво пользуюсь, когда нужно оформлять какие-либо документы. Ненавижу толкаться в очередях и ждать.

– Женечка, как давно я вас не видел, совсем забыли старика. – Он резво бросился мне навстречу с объятиями, потом чуть отстранил, продолжая держать за плечи.

– Ну, какой вы старик.

– Все никак не налюбуюсь вашей, деточка, красотой. Присаживайтесь, – Виталий Семенович сделал приглашающий жест, указывая на кресла. – С чем пожаловали? Уж вряд ли, чтобы порадовать вашего покорного слугу.

Я изобразила сожаление:

– Каюсь, все дела. Да, прошу знакомиться: Никита Алмазов.

– Очень приятно, молодой человек.

Никита кивнул:

– Мне тоже.

– Нам нужно заключить договор о предоставлении услуг, – пояснила я, указывая на мальчишку. – Молодой человек настаивает.

– Какие-то особые требования? Пожелания? Что по цифрам? – мгновенно перешел на деловой тон нотариус.

– Вот, я здесь все набросал, – Никита вынул из кармана куртки и развернул листок. – Обычный гонорар Евгении мне известен, сумму премии мы оставим на собственное усмотрение, расходы оплатим в полной мере. Вот только в графе «аванс» нужно внести изменения, вот. – Мальчишка густо покраснел и выложил на стол купюру в десять евро.

Одинаково ошарашенные, мы с нотариусом переглянулись.

– Деловой подход, ничего не скажешь, – бормотал Виталий Семенович, пробегая бумагу глазами. – Евгения согласна с предложенными изменениями?

– Да, конечно.

– Тогда мне и делать особо ничего не нужно. Поставим дату, печать и подписи.

Быстренько покончив с формальностями, Виталий Семенович предложил кофейку. Но поскольку мы очень торопились, то отказались, сославшись на занятость, и он проводил нас к выходу.

При прощании я, как обычно, подала руку, нотариус взял ее обеими руками, галантно поцеловал и, понизив голос, кивая в сторону отошедшего вперед Никиты, проговорил:

– Далеко пойдет молодой человек.

– Совершенно с вами согласна.

– Юноша, если надумаете в юриспруденцию, милости прошу ко мне на стажировку.

– Спасибо. У меня другое призвание, – серьезно кивнул мальчишка.

– Никита, ты произвел впечатление на старика, – заведя мотор «фолька» и вырывая с парковки, заявила я. – Да что говорить, сама ничего подобного не ожидала.

– Ничего особенного, – скромно потупил глазки подросток. – Мы составление типовых договоров в прошлом году проходили. Но я и до этого разбирался во многих нюансах. Когда с детства при бизнесе, многое умеешь.

С этим мнением можно поспорить, лично знаю нескольких взрослых оболтусов, пристроенных «при бизнесе» родителей, но ничего собой не представляющих. Родные Никиты могут по праву им гордиться, уже сейчас он сформированная личность. Деловой, целеустремленный, талантливый и трудолюбивый.

Я улыбнулась:

– Далеко пойдешь, молодой человек. У Виталия Семеновича глаз – алмаз. И к себе на стажировку он абы кого приглашать не станет.

– Я рад, что с ним познакомился. В деловых кругах может пригодиться любое знакомство.

– Или рекомендация человека с хорошей репутацией.

– Да. И это тоже.

* * *

Дорога к дому экономки не заняла много времени. Никита распорядился, где свернуть, сколько после этого проехать. По пути я успела расспросить мальчишку, как давно Мария Федоровна работает в их доме. Мальчик воспринимает тетю Машу практически как члена семьи. Она проработала у них много лет, примерно со дня свадьбы родителей, но, кажется, Никита точно не помнил, знавала Марину Алмазову еще девочкой. Была дружна с ее мамой.

Домик, окруженный старым, в некоторых местах покосившимся забором, через который можно заглянуть в маленький, но какой-то неуютный, неухоженный дворик, оказался по адресу Емельянова, 13. Звонка на калитке не было, поэтому мы открыли щеколду, поднялись на крыльцо и только после этого постучали в дверь, и я негромко позвала:

– Хозяева! Есть кто?

– Да. Кто там? – Навстречу нам вышла приятная стройная дама слегка за пятьдесят. Красные заплаканные глаза, слегка опухшее от слез лицо, траурная повязка в волосах.

– Мария Федоровна?

– Да, – голос дрожит от недавно пролитых слез, – а вы кто? Чем обязана? – В тоне женщины явно слышится какая-то настороженность.

– Меня зовут Евгения Охотникова. Я работаю телохранителем.

– Чьим?

– В данном случае...

– Моим, – влез в разговор Никита, выглядывая из-за моей спины, – здравствуйте, тетя Маша.

– Мальчик мой, а я места себе не нахожу, – женщина кинулась обнимать Никиту, приговаривая: – Все переживаю, как ты, где ты. И не сделала бы хуже...

– В каком смысле? – решила я взять беседу под свой контроль.

– Я не знаю, не пойму, что происходит. Но что-то страшное. А телеграмму-то Никите ведь я послала, а вдруг его тоже... – Женщина резко осеклась и вытерла выступившие слезы.

С первого взгляда на заплаканную Марию Федоровну у меня появилось недоброе предчувствие. Похоже, что авария оказалась гораздо серьезнее, чем нам хотелось думать.

– Нам нужно с вами поговорить.

– Да-да, проходите в комнату, на диван присаживайтесь. Внуки в школе, сын с невесткой на работе, нам никто не помешает.

Похоже, Никита тоже почувствовал неладное:

– Тетя Маша, что с родителями?! Они живы?! – вырвалось у него.

В глазах женщины отразились мучение и боль:

– Не я должна была тебе это сообщать. И где найти мне сил? – Она закрыла лицо обеими руками, всхлипнула: – Мальчик мой, твоей мамы больше нет с нами, – раздались сдавленные рыдания, – а отец в коме.

Никита вскочил с дивана, будто собирался куда-то бежать. Сильно побледнел, сел на место.

Я озабоченно поглядывала на него: уж лучше бы заплакал. На столе, на блюде, похожем на серебряное, стояли графин с водой и стаканы. Я налила воды и подала сначала женщине, потом Никите.

– Как ты, Кит? Держись.

– Я... да... – пробормотал мальчик, взял стакан, но пить не стал, а просто сжал его в руке. Он явно пребывал в шоке, в таком состоянии у человека может быть какая угодно реакция.

– Мы найдем виновного или виновных. Они будут наказаны, обещаю. – Я попыталась найти слова, которые принесли бы хоть немного утешения в подобной ситуации.

– Правда? Ты обещаешь? – Глаза Никиты стали наполняться слезами, он поставил стакан на стол и торопливо отвернулся.

– Верь мне.

Понимая, что мальчишка стесняется дать волю чувствам при нас, я сосредоточила свое внимание на женщине. Марии Федоровне удалось немного успокоиться, как раз достаточно для того, чтобы вести беседу. Она достала из кармана халата измятый носовой платок, вытерла лицо, горько всхлипнула.

– Успокоились? – В моем голосе звучало участие. – Нам нужно поговорить.

– Конечно, конечно, извините. Может, вам покажется странным, что я, наемный работник, проливаю слезы. Но Мариночка не была мне чужим человеком. Мы были очень дружны с ее покойной матерью, я помогала растить Никитку, он мне как внук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.